

Маргарита Анатольевна
Оконечникова

Театр и жизнь

Записки старой провинциальной актрисы

Маргарита Оконечникова

**Театр и жизнь. Записки старой
провинциальной актрисы**

«Издательские решения»

Оконечникова М. А.

Театр и жизнь. Записки старой провинциальной актрисы /
М. А. Оконечникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932481-8

Маленькая девочка из блокадного Ленинграда мечтала стать актрисой... и добилась своей цели. Маргарита Анатольевна Галактионова (Оконечникова) проработала всю жизнь на ведущих провинциальных сценах России: во Пскове, Мурманске, Магнитогорске, Орле, Курске, Петрозаводске, Барнауле, Ашхабаде... Эта книга — о ее жизни в советское время, о совместных работах с мужем, выдающимся российским актером Николаем Феокистовичем Галактионовым... книга об их любви и беспредельной преданности искусству театра.

ISBN 978-5-44-932481-8

© Оконечникова М. А.
© Издательские решения

Содержание

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ	6
2 ноября 2014	7
6 ноября 2014	8
11 ноября 2014	10
16 ноября 2014	11
17 ноября 2014	12
19 ноября 2014	13
20 ноября 2014	14
22 ноября 2014	15
24 ноября 2014	16
25 ноября 2014	17
26 ноября 2014	18
27 ноября 2014	20
28 ноября 2014	21
29 ноября 2014	22
29 ноября 2014	24
1 декабря 2014	26
4 декабря 2014	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Театр и жизнь

Записки старой провинциальной актрисы

Маргарита Анатольевна Оконечникова

Редактор Ирен Вудхед

© Маргарита Анатольевна Оконечникова, 2018

ISBN 978-5-4493-2481-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

Господи, благослови!

Невозможно понять человеку молодому, желающему скорее повзрослеть и окунуть себя в море – как ему кажется, безбрежное – земной жизни, что жизнь – это несколько мгновений, особо запечатлевшихся прежде всего в сердце.

И вот пошел девятый десяток моей земной жизни, за которую я возношу величайшее благодарение Господу, давшему и позволившему мне перенести все испытания, все беды и «нечаяния». И вот на старости лет у меня ощущение, что именно Господь проложил мне всю мою дорогу жизни, оберегая меня и помогая в борьбе со страстями и испытаниями.

И вот пошел девятый десяток моей земной жизни, за которую я возношу величайшее благодарение Господу, давшему и позволившему мне перенести все испытания, все беды и «нечаяния». И вот на старости лет у меня ощущение, что именно Господь проложил мне всю мою дорогу жизни, оберегая меня и помогая в борьбе со страстями и испытаниями.

Итак, начнем все сначала?

Я родилась – точнее, мамочка меня родила – в первый день весны. Для этого ей потребовалось два дня мучений. Родилась я восьмимесячной, слабенькой – меньше двух килограмм. Мама лежала в постели, поэтому меня понесли крестить папа и бабушка, при крестном отце – папином друге, тоже Анатолии, – и мамочкиной знакомой Марии – крестной матери.

Папа и бабушка на радостях выпили несколько больше, чем надо бы, и позабыли, что мамочка просила меня назвать Тamarой в честь медсестры, ухаживавшей за ней все двое суток мучений со мной. Поэтому, когда в ЗАГСе их попросили назвать имя ребенка, папа напрягся и выдал:

– Вроде какой-то цветочек!

Стали вспоминать цветочки:

– Роза?

– Да нет...

– Лилия?

– Не похоже...

– Маргаритка?

– Вот! Вот оно, точно! Маргаритка!

Так меня и записали в метрике: «Маргарита». А Тamarой потом назвали мою младшую сестру.

Итак – родилась я в первый день весны и названа была тоже Маргариткой, первым весенним цветком. А так как я была девочкой доброй, милой и хорошенькой, то взрослые, видя меня, пели песенку: «Маргариточка, цветочек, рано в поле расцвела». Смешно?

2 ноября 2014

Усилиями родителей я быстро крепла. После Пасхи мамочка отвезла меня на природу в Смолеговицы в пяти километрах от станции Молосковицы, находящейся в 100 км от Ленинграда, где в детстве и она вылечилась от болезни легких и где она прожила до одиннадцати лет у добрых бездетных супругов, довольно молодых.

Как и мамочка, в детстве я росла на козьем молоке и чаях из трав, которые приготавливала моя «бабушка» (которой к тому времени было едва сорок лет – ведь мамочка родила меня в девятнадцать лет). И в результате к полугоду мне все давали год и удивлялись тому, что я до сих пор не хожу. «Бабушка» же и «дедушка» (мамочка нежно называла их «тетенькой» и «дяденькой») стали для нас беспредельно любимыми и родными людьми. Они были ингерманландцы – не просто глубоко, а абсолютно верующие люди, на чем взрастили и мамочку.

Какое счастье, что Господь, посетив их, тем самым вошел и в нашу жизнь, в жизнь мою, моих сестер и братика! Конечно, я, как и все мы дети, очень боялась, что «Боженька» накажет меня за проступки, но сколько я себя помню, я никогда не относилась к этому как к наказанию жестокому, т.е. жесткому, и всегда умоляла, как может только ребенок, чтоб не наказывал меня (иногда со слезами) и была просто потрясена тем, что родители даже смеялись над моими страхами – я же воспринимала это так, что Боженька меня услышал и помог.

А бояться было чему. Дело в том, что у отца была «метода» за проступки устраивать порку. А происходило это так:

– Снимай штаны! – говорил он, а сам в это время вытягивал ремень из своих матросских «клешей».

Он был высокий, стройный, красивый, даже очень – это была одна из причин, почему мамочка (как она признавалась) вышла за него замуж. «Хоть дети красивыми будут», думала она, считая себя некрасивой, что было абсолютной неправдой, и отец любил ее до последнего мгновения земной жизни.

Так вот – он служил на флоте в то время, и ремень у него был настоящий кожаный, широкий, с пряжкой. (Забегая вперед, скажу, что именно этот ремень помог нам устроить в блокаду праздничный холодец на столярном клее 7 ноября 1941 года.)

– Снимай штаны!

Как со мной в этот момент не случался родимчик, не понимаю! Трясучка точно находила – и злоба. Он хватал мою голову, засовывал ее себе между ног выше колена, вниз лицом, сдергивал с меня штаны и начинал лупить – сначала в наказание за проступок, а потом, по выражению мамочки, «входил в раж» и настолько терял контроль над собой, что мамочка, которая сначала пыталась его успокоить, подсовывала свою руку под ремень, кладя ее мне на попу. Страшно, но думаю, что это вызывало не просто нелюбовь, но даже ненависть к нему – к родному-то отцу! А он считал, что «воспитывает»

И что же такого страшного могла совершить девочка меньше семи лет от роду? Одно было: мы с братиком спали в одной постели и ночью довольно часто писались (мне семь лет, ему пять), и чтобы не попало, попками сушили постель, а мамочка (чтобы не влетело от отца) просила нас «спать» до его ухода из дома утром, а потом утюгом сушила постель (а мы все перепирались, кто же из нас это сделал).

Хотя один раз в тринадцать лет я, признаюсь, получила за дело (потом расскажу), но в тринадцать лет девочке снимать штаны – безумный стыд. Меня тогда выпороли по справедливости, в последний раз, и именно после этого он все понял, извинился, и у нас с ним появились почти дружеские отношения.

6 ноября 2014

Мне думается, что настало время написать о родителях. К великому сожалению, мы (я, во всяком случае) знаем очень мало – и не столько потому, то они мало рассказывали, а скорее из-за того, что мы плохо слушали. К сожалению, на данный момент, как говорится, «славим Господа» на этой земле только мы с Тamarочкой – старшая сестра и младшая, вот как сподобил Господь!

Мамочка, например, по скромности своего характера вообще почти ничего не рассказывала. Из ее редких слов о себе я поняла, что бабушка ее, отец Александр, был кантором в соборе Князя Владимира и имел прекрасный баритон, а посему у его дочери, моей бабушки (мамочкиной мамы) было потрясающее сопрано необыкновенно нежного тона. И так как она не гнушалась компаний, то в легком подпитии заливалась, как соловей.

И у мамочки тоже было сопрано удивительной нежности – но опять же по свойству своего характера она редко демонстрировала этот дар, только по очень настойчивой просьбе гостей.

Обычно они с отцом (у того тоже был довольно приятный тенор) пели балладу о моряке, который увидел на берегу красавицу-девицу, которая «шелками шьет платок». И вот этот очень приятный диалог они и воспроизводили:

На берегу сидит девица,
Она шелками шьет платок,
Работа дивная такая,
Но шелку ей недостает.

На счастье ей тут взвился парус,
Моряк на берег пристаёт.
«Скажи, любезный, нет ли шелку
Хотя б немного для меня?»

«О, как не быть! Такой красоте!
Я вам готов всегда служить!
Лишь потрудитесь, дорогая,
Ко мне на палубу мою»

Она взошла; тут взвился парус,
А шкипер шелку не дает
И про любовь в стране далекой
Ей песни дивные поет.

Под шум волны, под звуки пенья
Она уснула сладким сном.
Вот просыпается и видит,
Что море синее кругом.

«Моряк, пусти меня на берег!
Мне душно от волны морской!»
«Проси что хочешь, но не это —
Навек останешься со мной.»

«Нас три сестры: одна за графом,
Другая герцога жена,
А я, всех младше и красивей,
Простой морячкой быть должна.»

«По всей Британии могучей
Я славлюсь сыном короля.
Простой морячкой ты не будешь,
А королевой будешь ты...»

Дома же иногда под настроение мама заливалась «Соловьем» Алябьева и выдавала такое «си-бемоль», а то и «до», какие редко услышишь в опере.

Ну и нам (мне и Ларочке) досталось немного. У меня было лирико-драматическое сопрано (что в какой-то мере передалось и моей дочери, которая закончила вокальное отделение).

У Ларочки был более легкий голос. А вот насчет Анечки и Тamarочки я что-то не припомню – вероятно, по своей вечной занятости пропустила тот период в их молодости, когда они этим занимались. К великому нашему сожалению, Анечка ушла ко Господу, не доживя с нами до сорока лет.

Отец же мамочки, вероятно, погиб в Первую Мировую, т.к. мамочка родилась в феврале 1915 года и бабушкин брат дал ей свое имя – так она стала Ивановна. Об отце же ее мать, моя бабушка, говорила только то, что он был очень хороший человек.

Вот и все, что я могу рассказать о мамочкиных «предках». Девичья фамилия ее была Лебедева.

У отца же моего все было намного сложнее. Я попытаюсь рассказать об этом в следующий раз.

Да! Только что выяснила у Тamarочки, что они с Анечкой тоже пели, но, имея мамочкин скромный характер, – в хоре. От нее же сейчас услышала, что она, оказывается, училась в музыкальной школе. Вот как я была погружена в свою жизнь! В следующий раз попытаюсь объяснить.

Дочь же моя даже начала карьеру певицы под именем Рины Питерской – успешную карьеру, но жизнь распорядилась по-другому. А «питерские» мы потомственные: наш далекий пра-пра-прадед строил Питер и получил свою фамилию из рук самого Петра Великого (ведь прежде у простых людей фамилий не было) за свои золотые руки и мастерство. Петр пожаловал ему также золотую табакерку, которую, к сожалению, бабушка в голодные 1920-30-е годы продала в Торгсин.

Предок наш был оконных дел мастер, потому Петр дал ему фамилию Окóнешников, которая за столетия превратилась сначала в Окóнэшников, а потом в Окóнечников. Род нашего предка разрастался – и разрастался его талант. Одна из моих прапрабабушек закончила Институт Благородных Девиц «с шифром», т.е. с отличием, и была учительницей детей Александра III – значит, уже имела дворянское происхождение. Об этом есть книга Ильи Сургучева «Детство Императора Николая II» где черным по белому написано, что ее девичья фамилия была Окóнешникова.

11 ноября 2014

Только что поговорила с Тamarочкой, и она мне читала «Записки» отца. Записки очень подробные, из коих я возьму только некоторое.

Я слушала и потрясалась еще и еще тому, как один, видимо, наиталантливейший человек может породить столько талантливых потомков. Гений Петра это видел и, слава Богу, отмечал, чем помогал взрасти таланту не только этого человека, но и потомков его.

Итак... дед отца был купец первой гильдии, имел магазины шорных изделий. К тому времени Оконеchnиковы уже были почетно-потомственные граждане. Отец же моего отца, Леонид Константинович, работал главным кассиром банка Госфондов России. У него до отца было двенадцать детей (отец – тринадцатый, которого бабушка родила в 58 лет). А кроме родных детей, вырастил троих приемных: девочку выучил на белошвейку и мальчишкам дал ремесло в руки.

Жили они на Четвертой линии Васильевского острова дом 17 кв. 20. На такую большую семью, конечно же, в помощь бабушке нанимал и няню с кухаркой.

В 1908 году умер дедушка отца – слава Богу, что не дожил до перемен 1917 года, потому что такие «буржуи», как они, были разорены в пух и прах. В 1918 году отца (Леонида Константиновича) арестовали, и бабушке пришлось распродать все то, что она сумела сохранить – все, что осталось после обысков, – чтобы выкупить его. Но в основном его освобождение произошло благодаря тому, что старший сын Иван в 1917 г вступил в партию большевиков и работал вместе с С. М. Кировым. Леонида Константиновича освободили как отца большевика и отправили в Прикаспийскую низменность принять для сохранения ценности государства.

В 1919 году мать с детьми – Ольгой (1901 г.р.), Леонидом (1907), Евгенией (1909) и моим будущим отцом Анатолием (1912) поехали к Леониду Константиновичу. Дальше отец подробно пишет обо всех приключениях на этом долгом пути. В результате они приехали к отцу больные тифом и только к весне выздоровели.

В августе 1920 года Леонид Константинович умер, и в середине сентября они поехали в Петроград. Там бабушка смогла жить только в двухкомнатной квартирке (бывшей мебели-рашке). В большей комнате (14 кв. м) она поселила своего сына Константина с женой Марией (1902 г.р.), сама же с Леонидом и Анатолием поселилась в меньшей (11 кв. м). Этот дом располагался по Третьей линии Васильевского острова д. 48 кв. 80, в котором потом прожила свои первые 24 с половиной года, исключая годы эвакуации в Вологодской области (с апреля 1942 по 1 июня 1945 года).

Когда отец женился на мамочке, бабушка отдала им меньшую комнату, сама же переселилась в кухню с дядей Леной.

16 ноября 2014

Я не могу продолжать до тех пор, пока не пойму... Я знаю, т.е. абсолютно уверена, что Господь не посылает испытаний превыше сил. Но почему же, Господи??? когда Тamarочка читает мне записки отца, в коих весь он, с его стилем жизни, общения, отношения к себе и к окружающим, во мне поднимается такая «муть», будто я опять в атмосфере той жизни: отвращение и безысходность, от которой Господь меня спас, дав мне возможность развивать талант, дарованный Им. Надо же! Опять Господь спас! Как и всегда, во всю мою жизнь. И за то, что я испытала это... но почему вдруг все сейчас поднимается такой «мутью»? В то время как я, уже в наши дни, увидев отца безногого разъезжающим по квартире на стуле на колесиках, особенно когда он ездил по кухне от стола к плите и обратно, готовя что-то очень вкусное (свой знаменитый крендель?), мне так стало жалко его, так стыдно за себя! Господи, прости меня и помоги! Именно в ту минуту я это поняла. Как верно говорят, что русская женщина не говорит «люблю», а говорит «жалею».

Так что, Томасенька, ты напрасно подумала, что я не простила отца. Это *давно ушло*. Господь помог мне понять. Но оказалось, что снова окунуться в ту жизнь не просто тяжело, а страшно – волосы дыбом.

Я помню, как и Ларочка в конце жизни мне сказала (когда я уже все это забыла): «Ты ведь помнишь, как мы мечтали вырваться из дома!» Н-да...

17 ноября 2014

Итак... В школу отец пошел в 1922 году – получается, в десять лет. Значит, в четвертом классе ему было четырнадцать лет, а это 1926 год: год, когда мамочка вернулась из Молосковиц. Ей было одиннадцать лет. Три года она там в Молосковицах училась, а в Питере тоже поступила в четвертый класс. А отца в пятый класс не перевели из-за «неуда» по общественно-данию. Неуд он получил за то, что с наслаждением пел на мотив революционной песни:

Смело мы в бой пойдем
За суп с картошкой
И всех жидов побьем
Столовой ложкой!

Так отец с мамочкой оказались в одном классе. Мамочка вернулась из Молосковиц, где все было так просто, естественно, свободно в лучшем смысле слова. Насколько я помню, вместе с ней «на воспитании» находился еще кто-то из ребят. Заповедям бабушка их не учила, но они точно знали, что можно, а что нельзя: знали, что «Господь накажет».

Я помню, как уже летом 1945-го бабушка меня наказывала за что-то, говоря о том, что за это я на том свете буду гореть в огне и что это – что мне показалось особенно страшным – никогда-никогда-никогда не кончится! С этим «никогда-никогда-никогда!» я очень долго жила. Мороз по коже. Дед наказывал нас «вицей» (прутом) или крапивой – вероятно, поэтому и отцовскую порку мама принимала как нормальное воспитание.

Но вот она приехала в город, в совсем другую жизнь. Моя родная бабушка была красивой, любила гостей и сама с удовольствием ходила в гости. Она великолепно готовила, а человеком была с характером, очень вспыльчивой. Отца мамочки она, видимо, очень любила, поэтому с другими мужьями (четверо, кажется, их было) она легко разводилась. Во всяком случае, что я лично помню, к 1941 году мужа у нее не было. Конечно же, моя мамочка ее – свою мамочку – любила и оправдывала по душевной доброте, но после ставшей ей родной духовной жизни в Молосковицах ей было очень сложно. Вот еще одна причина, почему она вышла замуж рано, благо отец ее очень любил.

А в школе... они не единожды рассказывали такой случай. Отец всеми дурацкими мальчишескими способами выказывал ей свое внимание.

(Кстати, не могу не рассказать. Когда я училась во втором классе в Вологодской области, один мальчик из нашего класса, когда я переходила «протоку», вдруг догнал меня и окунул с головой в воду. А когда я плакала, рассказывая об этом ребятам, они мне кричали: «Так он же в тебя влюбился!» Вот каким образом объясняются в детстве. Так и отец.)

Итак: мамочка была дежурной и, убираясь в классе, в парте отца увидела забытый им шарф (ветхий и грязный). Она взяла его домой, как умела выстирала, высушила и... надушила мамочкиной «Красной Москвой», которую та очень берегла. Затем обернула его красивой бумажкой и перевязала ленточкой. Пришла в класс раньше всех и положила в его парту. Когда же он пришел в класс – опаздывая, как обычно, – то, обнаружив сверток в парте, он бегал по классу, спрашивая у всех: «Чей пакет?»

Подойдя к маме, тоже спросил: «Оля, твой пакет?» «Твой, дурак», – шепнула она. Он развернул, и... амбре «Красной Москвы» разнеслось на весь класс. Вот так!

19 ноября 2014

Только что для меня Тмарочка еще раз «полистала» записки отца. Немыслимо сложный человек. И, вероятно, любовь к мамочке Господь дал ему во спасение. Даже не представляю, что бы с ним было в его жизни, если бы этой любви не было! Она его как бы выправляла, вытаскивала из сложности характера (я так думаю).

С мамочкой же они проучились два года. Отец поступил в ФЗУ (фабрично-заводское училище), а мамочка в школу парикмахеров.

Благодаря талантливой натуре (спасибо предкам!), его приняли после пятого класса, хотя брали туда только после седьмого. Но еще через два года, как пишет отец, они с мамочкой *случайно* встретились. Это 1932 год – получается, ему уже двадцать. И началось! В обеденный перерыв бежит на свидание на каток, и... а на следующий день приходит на работу с опозданием – и чем дальше, тем больше. Выгоняют его с волчьим билетом. А в стране безработица. Устраивают на завод «Красный силикатчик», с которого – обидевшись на то, что его не отпустили тогда, когда ему того захотелось – он сбежал даже без удостоверения личности, которое пришлось потом добывать через милицию. Затем на завод наглядных учебных военных пособий. Стал сотрудником НКВД. И благодаря помощи дяди Шуры (брата отца, большевика) устроился даже на Лентехфильм мастером по ремонту киносъемочной аппаратуры. Вот так и «летал», не уживаясь нигде. А сердце летело к мамочке.

И вот 29 марта 1933 года – пышная свадьба. Он очень гордился тем, что гости выпили целый ларь (деревянный ящик величиной со стол) водки.

Осенью 1933 года призыв в армию, но т.к. мамочка уже носила меня, его послали учиться в военно-морскую школу связи. А дома 1 марта 1934 года родилась я. И тут началась уже наша общая семейная жизнь.

20 ноября 2014

Сейчас половина шестого утра всего. Но в этом году Господь сподвиг меня ради Христа поголодать, и теперь каждую среду во славу Божию это происходит. Во вторник после обеда (а обедаем мы где-то в первом часу дня) я начинаю, дальше до где-то середины ночь среды пью воду, предвкушая радость от того, что буду только полоскать желудок. Получается полтора суток. И после этого такой прилив энергии, что спать невозможно.

Итак... Я родилась 1 марта 1934 года, а в декабре – кажется – девятого числа – 1936 года родился Боренька. А еще, когда мамочка его кормила (а молока у нее всегда было не просто много, слава Богу, а очень много – подоконник, как самое холодное место (холодильников ведь тогда не было) всегда был заставлен баночками с ее молоком), она опять забеременела. Наши же врачи категорически настояли: аборт – и ни в какую.

Вот так и получилось... сначала меня рожала двое суток, вскоре Боренька родился, и этот аборт – все вместе ее доконало. У нее, как определили врачи, начался послеродовой психоз. Лечили ее в психушке, меня взяла бабушка (мамина мама) – или, как я ее называла, «моя мировая баба», т.к. она всегда угощала меня ромовыми бабами. А Бореньку подкинули в круглосуточные ясли. Когда же мамочку отпускали домой, отец, уходя на работу, оставлял ей еду и говорил: «Лёсенька, ты вот это не ешь, а вот это можно». Дело в том, что она боялась, что отец может или даже хочет ее отравить, поэтому съедала именно то, что он не рекомендовал есть. Лечили ее, конечно же, лекарствами, а когда стало лучше, порекомендовали выйти на работу. Работала она в парикмахерской уже «дамским мастером», как тогда это называлось.

И вот там произошло непредвиденное. Помимо того, что она очень любила эту работу и общение с клиентами, что ей тоже доставляло огромное удовольствие, у нее появилась не то чтобы любовь, а влечение к заведующему парикмахерской – как и у него к ней. И в результате 24 апреля 1939 года родилась Лариска – Лариска-ириска, как она себя называла в младенчестве, а когда ее дразнили, то тихо добавляла, «я холёсая Лаиська-деиська».

Отец принял ее, все зная. Он не мог жить без мамочки, которая к тому же больна была. Но... бешеный характер его, конечно, проявлялся. Лариска чувствовала его неприязнь к себе, и как только он к ней приближался, визжала как резаная.

И однажды, не выдержав, он ее излупил чуть ли не грудную электрическим проводом, который, видимо, оказался под рукой. Бабушка за это решила отдать его под суд. Но мамочка умолила этого не делать, да и он, опомнившись, решил налаживать отношения с Лариской – стал ее прикармливать вкусненьким. И она, свинюшка маленькая, поняла, что после того, как мамочка уйдет на работу, отец ей даст лакомство. Так они и сроднились. Она у нас была «лисичка». Конечно, в жизни бывало всякое, но в дальнейшем, она сама признавалась, он о ней заботился, помогал с бóльшим желанием, чем нам. Вот как сподобляет Господь!

И еще важное – чуть не забыла написать. Дело в том, что у нас в 1937 г была перепись населения и мамочка, уже нездоровая, на вопрос о вероисповедании вслед за всеми остальными повторила: «Неверующая». Вот это-то и оказалось последней каплей, приведшей ее к этой тяжкой болезни.

Впоследствии на каждой исповеди она каялась в том, что сделала аборт, и в том, что *отказалась* от Господа – так ее это всю жизнь мучило.

22 ноября 2014

Одно хорошо: что я в это время была настолько мала, что ничего этого не видела и не знала. Как только мне стукнуло три года, меня, как тогда говорили, «определили» в детский сад, где я пробыла до весны 1941 год – кроме каждого лета, когда меня – а последние два года и с Боренькой – отправляли в Молосковицы. Лариска же до самого нашего отъезда в эвакуацию пробыла в круглосуточных яслях, что ее и спасло от голодной смерти, т.к. она была всегда очень болезненной.

Когда перед самой смертью ее Тamarочка увидела рентгеновский снимок ее легких, то оказалось, что одного у нее вообще нет! Ларочка ведь работала тоже в парикмахерской и тоже гениальным мастером была. Другие мастера стоят без дела, а к ней всегда очередь: даже те, кто не знал ее еще лично, говорили: «мы к рыженькой». У нее шикарная рыжая коса была. У Тamarочки есть фотографии, где она и с косой, и с распущенными длинными густыми рыжими волосами – снялась перед тем, как их отрезать, т.к. сложно было ухаживать за такими. Так вот, вообразите себе химическое «амбре» в парикмахерской, брызги всех средств, полет волос и пыли. А химическая завивка? Да что там говорить... Слава Богу, что Он позволил ей прожить достаточно долгую жизнь, испытать все «прелести» земного существования. В Господа она искренне, как и все мы, веровала, часто истово молилась перед иконой Казанской Божией Матери, которую мамочка после кончины «бабушки» привезла из Молосковиц. Иконой этой благословляли ее с отцом. Потом ее украли во время эвакуации по Дороге Жизни из блокадного Ленинграда... А вот в храм Ларочка не ходила, и когда я ее просила сходить исповедоваться и причаститься, она возмущалась, говоря, что она перед самим Господом исповедуется – мол, причем тут «еще кто-то»...)

Так вот, нас с Боренькой каждое лето отправляли в Молосковицы – видимо, довольно ранней весной. Я помню, как мы жили на «зимней» половине с жаркой русской печкой. И я помню, как «дедушка» приносил из амбара замороженную рябину. Где спала я, не помню, – видимо, на полатах. Боренька спал на печке. Перед сном он говорил, залезая на лежанку, «Деда, какой ноти» («спокойной ночи»). А дедушка отвечал: «Синей, Боренька, синей» – «Какой ноти!» опять повторял Боренька, а дед опять, как будто отвечая на его вопрос, пока не переберет все цвета, доводя его, бедного, до слез. Бабушка сердилась! НО каждый вечер повторялось то же самое.

Дом был деревянный, большой, красивый. Входишь на резное крыльцо, а дальше идут «сени» – длинный широкий коридор. В дальнем конце его хлев, в котором были козочки, куры, иногда откармливался поросенок – в основном отходами со стола, т.к. летом приезжали и отец с мамой, и другие их воспитанники. Туалет был там же «со сходень» – настил над полом хлева. Невдалеке был амбар, сад-огород и банька. За домом до самого сарая, который был и гумном, земля от дома до сарая зарастала травой на корм. Я очень любила там играть (фантазии улетали свободно).

По правую сторону от сеней была приземистая «зимняя половина», как ее называли, а по левую «летняя» – большая с высоким потолком квадратная комната без отопления, в которой зимой вместо холодильника хранились продукты.

Представляю, какой ужас охватил «стариков» (бабушка умерла в 1945 году в пятьдесят лет – это разве старики?), когда в 1944 г после отхода немцев они вернулись из леса и увидели вместо всей этой былой роскоши торчащую на погорелье печную трубу. Вновь строиться не было сил, и они поселились в баньке, которая на их счастье оказалась цела и невредима, как и сарай-гумно.

24 ноября 2014

Я очень хорошо помню детский сад. Он находился на Шестой Линии, между Средним Проспектом и Большим. На бульвар на Большом нас часто водили гулять перед обедом. Идешь счастливая с прогулки, где были даже «горки», а из кухни детсада пахнет гороховым супом – после этого я его очень люблю. А перед обедом нам всем давали по десертной ложке рыбьего жира, который я, в отличие от других детей, да и не только детей, любила и выпивала кроме своей порции еще три – за тех, кто сидел со мной за столом. И это спасло меня от голодной смерти в блокаду, так все мое тело я пропитала этим жиром. Вот как сподобляет Господь!

А в 1954 году, когда я уже работала в Управлении культуры секретарем канцелярии, меня попросили развезти какие-то бумаги, в том числе и в мой бывший садик. Развозила я их в ЗИМе – огромном черном лимузине, где сзади было не два места, как обычно, а четыре, а между ними столик. Это была машина начальника Управления культуры, т.к. я и у него была секретарем частенько. Поэтому встретили меня в садике подобострастно, а когда я с восторгом стала его «обследовать», говоря о том, что еще до войны я в нем находилась, они приняли этот факт очень равнодушно, что меня огорчило. Вот как! Мой «экипаж» их потряс, а простые человеческие чувства оказались недоступны.

Так вот, я очень любила ходить в садик – опять же в отличие от многих детей. Когда и как я научилась читать, я не помню. Но мама рассказывала, что, когда она обычно вечером за мной приходила – а приходила она обычно поздно, когда бóльшую часть детей родители уже разобрали, – я сидела в своей группе на стульчике, вокруг меня все оставшиеся ребята, и читала что-нибудь интересное, в то время, как воспитательница занималась другими делами. Я даже помню, что звали ее Раиса Вениаминовна, потому что отчество ее было очень трудно произносить, и я дома специально тренировалась, трудилась, как работала впоследствии в театральной студии над скороговорками и чистоговорками.

25 ноября 2014

Ну, а отец в это время – с 16 марта 1936 года – благодаря тому же дяде Шуре поступил работать на чулочно-трикотажную фабрику «Красное знамя», на которой он проработал до пенсии: сначала ремонтировал станки, впоследствии стал слесарем-лекальщиком по инструментам – кажется, восьмого или какого-то другого высшего разряда. Его на фабрике очень ценили, поэтому, видимо, он и привязался к ней.

Но... в 1939 году началась Финская война и там, где он был на курсах – в Доме отдыха ЦК – организовали госпиталь и его мобилизовали на работу в нем завхозом. И в одной поездке за обмундированием он отморозил ноги. По-моему, это было где-то в Луге или около. Если мне память не изменяет, то однажды он прихватил и меня туда – «подышать прекрасным воздухом», как он выразился. Я даже помню, как он провел меня на кухню и попросил чем-нибудь угостить «девочку». А повар как раз сооружал пирожные, и отец настоял на том, чтобы он мне дал одно, еще сырое. И я его слопала с удовольствием.

В апреле 1940-го ему прислали замену, а самого направили на медкомиссию, которая его забрала по зрению и выдала ему «белый билет».

В самом начале войны в сентябре 1941 его послали в Горелово, где они жили в авиагородке, и он пишет, как они видели героические атаки наших летчиков на фанерных аэропланах на бронированные самолеты немцев. Назначили старшим, рыть дзоты – пятьдесят заключенных и тридцать таких же мобилизованных, как он. Пишет о любопытном эпизоде:

Как-то утром решили в столовую на завтрак не идти. Взяли с собой хлеб, сахар и термос с чаем. Не успели пройти полукилометра, как увидели, что столовую взорвали. А?!

И вот тут началось столпотворение, паника. И все, кто прямо под пулями полз по-пластунски (Немцы ведь получали удовольствие, расстреливая с неба эти живые мишени), – те спаслись, в том числе и отец.

Но это уже война...

Нас же – меня и Бореньку, – как обычно, в 1941 году отправили на лето в Молосковицы. И вдруг мы однажды просыпаемся от звуков взрывов. Всполошились, но успокоили себя тем, что это «опять камни рвут». Дело в том, что Молосковицы находятся на север от Ленинграда, по направлению к Карельскому перешейку, а там и сейчас много огромных валунов. И для того, чтобы освободить из-под них плодородную землю, их взрывали, а потом осколки убрали.

Но... дедушка пошел по деревне к тем, у кого было радио, и вместе со всеми (вся деревня собралась) услышали о том, что началась война. И тут же буквально прилетела мамочка: нас с Боренькой в охапку, дедушка посадил нас в тарантас, и... помчались на станцию (это в 5 км от деревни). Бабушка очень просила оставить у них Бореньку, так они его любили. Но мама: «Умрем все вместе!»

P.S.: На следующий день детей в город уже не пускали, а напротив – вывозили, причем по какому-то дикому распоряжению – на Запад. Боже мой! Сколько страшных трагедий!

26 ноября 2014

А в городе было как-то тихо, почти спокойно и даже весело. Подъем энергии! Война скоро кончится! Немцев не пустим! Не позволим!

Детсады были закрыты. Ларочка же так и оставалась в своих круглосуточных ясельках, и хорошо за ними ухаживали, и даже в страшное голодное время прикармливали довольно сносно. Однажды, уже где-то в конце ноября, мамочка у них *заработала* целое большое блюдо манной каши, облитой чем-то безумно вкусным (то ли киселем, то ли компотом), и донесла для нас с Боренькой.

Детсады закрыты, и мы оставались дома. Нас не выпускали: хоть бомбежек особых не было, но все же. И вот однажды где-то в июле 1941 мамочка попросила меня пойти получить крупу. Карточек тогда еще не было, но иногда подъезжала машина с продуктами, и каждому выдавали по килограммовому пакету какой-нибудь крупы – риса, например, или гречки. И на этот раз мама узнала, что на угол Среднего проспекта и нашей Третьей линии подъехала машина с крупой.

Я с радостью согласилась освободиться из домашнего плена и вылетела во двор, а затем на улицу. И тут меня буквально потрясло то, что улица была абсолютно пуста – ни души, как говорят. И тишина, только от машины неслись голоса людей. Я вприпрыжку поскакала к ней. Любопытно: я прыгала (сейчас попробовала – не получилось) как-то так: левая нога вперед, правая в сторону и назад, и опять: левая вперед, и пошло... да еще быстро так.

Справа из подворотни передо мной вышел мужчина и пошел туда же, довольно быстро, так что я не могла его догнать. Вдруг раздался страшный пронзительный свист, такой, что уши заложило. Я уши закрыла руками и присела от страха, зажмурившись. Когда все стихло, я поднялась, разжмурилась и посмотрела. Передо мной шел все тот же мужчина, но... *без головы*. Он еще шагнул пару раз и грохнулся навзничь, обрызгав меня кровью. Конечно же, я пулей понеслась домой, визжа, даже не подпрыгивая, а дома мамочка смывала с меня кровь этого бедолаги. Конечно, жаль было, что я не принесла крупы – мы были в отличие от остальных не запасливые, мамочка говорила: «Бог даст день, даст и пищу». Но в результате именно мы в отличие от «запасливых» выжили в те страшные дни.

На полках магазинов остались только лавровый лист (из которого люди в голод приспособились делать варено: в водичку кусочек листика, а если к нему и пясточки, как говорила мамочка, «чего-нибудь» – ого! Чем не обед!). Александр Лазарев рассказывал, как на время обеда они накрывали стол лучшей посудой, символически садились за стол и ели воображаемый «обед». А тут был настоящий, пахнущий лаврушкой.

И еще были на полках пакеты сухой горчицы и соль. Ведь голь на выдумки хитра – мамочка насыпала в глубокую тарелку на треть горчицы, заливала водой и выдерживала ее двое суток, постоянно меняя воду. Ну, а потом из этой горчичной гуши, слив как можно лучше всю воду, пекли что-то вроде блинов. И ведь получалось – несмотря на то, что сковородку-то нечем было подмазать. У меня до сих пор во рту вкус этих «блинов».

А вот та крупа, что раздавали с машины, позже часто в голод спасала многим жизнь. Ведь что тогда делали с этой крупой: закидывали ее куда-нибудь, т.к. еще были довоенные запасы; а что будет голод, да еще такой, никто не предполагал. Деньги же уже тогда имели цену туалетной бумаги. Этот найденный в голод пакет риса спасал людей даже при голодном поносе, который был предвестником смерти.

А пакетики чая, которые до войны клали в чистое постельное белье? Моя приятельница Лизина Галина Ивановна (Царствие ей Небесное, лет десять как умерла от инсульта) рассказывала, как перед Новым годом (с 1941 на 1942 г) решили сделать в комнате уборку. Стали выметать из-под шкафа, а там!!! Оттуда полетели чуть не целые пирожные, т.е. бисквит от них.

Это она маленькая слизывала с пирожных крем, а бисквит – под шкаф. Так и получился в доме новогодний пир (пыль, грязь и паутину с них стерли, конечно). Вот так!

27 ноября 2014

Голод начался очень быстро. Уж если еще до введения карточек «лакомились» блинами из горчицы, то что говорить! Мы их (карточки) ждали, как манну небесную. Бабушка, желая провести лето с детьми – то есть с нами, – уволилась с работы, а тех, кто не работал, посылали на окопы. Урожай стоял в поле неубранным, и однажды бабушка принесла немного фасоли. И на керосинке, залив ее водой, в большой кастрюле стали варить.

Холод в том году наступил рано, а дома, естественно, не топили, и я уселась возле этого тепла. Был вечер, и мама, зная, что я «жаворонок», просила меня отодвинуться, боясь, что я задремлю и уроню варево.

Но я же упрямая! За дело меня отец и наказывал, хоть во мне именно его гены бурлили. Так и случилось: я задремала, качнулась – и всё вместе с керосинкой полетело на пол (хорошо, что не на диван, на котором я сидела).

Кинулись всё подбирать. Но ложками что соберешь? Главное – навар-то уже пропал. Фасоль подобрали, опять залили водой и снова начали варить. Я умоляла простить меня, а про себя умоляла Боженьку, чтоб не наказали. Отцу, слава Богу, не сказали, и он, придя с работы, с удовольствием пил этот отвар и фасоль ел.

А когда разбомбили Бадаевские склады, люди ведрами собирали землю, по которой текли ручья из сахара и рассыпанной крупы. Вот так, мои дорогие!

Перед тем, как писать о блокаде, хочу возблагодарить Господа за то, что Он вынес нас из этого кошмара живыми и, можно сказать, невредимыми, в то время, как все или почти все Оконечниковы – потомки этого рода – погибли.

28 ноября 2014

Как это Господь с младенчества позволил мне жить с Ним, даже предупреждая и ведя меня по этой тернистой дороге жизни. Низкий поклон Молосковицкой бабуленьке, через которую Он это сделал, и, конечно же, непрерывным молитвам мамочки к Нему за всех нас.

Рассказ будет очень длинный о моей нецерковной жизни и о том, как Господь за ручку, вернее, за сердце, ввел меня в этот земной рай. Я постоянно молила Господа о помощи в житейских делах, а в храм не ходила. Хотя... вру! Пока мы жили на Васильевском острове, в Страстную субботу, где-то полдвенадцатого ночи, мы (я, мамочка, иногда отец – о других девчонках не помню) выходили из дома и через проходной двор на Второй линии, где баня (в которую мы ходили каждую субботу, если позволяло время), и шли к Тучкову мосту – и, пока проходили через него, с упоением слушали благовест. Затем крестный ход вокруг храма (Князя Владимира), к которому мы могли присоединиться и таким образом оказаться со всеми в храме. Но ничего толком мы не знали и настроены были в основном на разговление (мамочка в субботу всегда голодала), а стол наш ломился от яств, которые даже я иногда освящала накануне.

В дальнейшем, когда я работала в Псковском театре, мы – молодежь с комсомольскими значками на груди – в местный храм пошли из любопытства: поражала красота. Но, как мне помнится, лоб я перекрестила только при входе, пораженная красотой. Храм на горюшке, а внизу льет свои полные воды река, и я очень полюбила сидеть на скамеечке на берегу. Вообще я счастлива жить на природе, чем меня Господь и наградил в теперешние годы. Благодарю Тебя, Господи!

Когда затем работали в Магнитогорском театре, все жители города очень гордились тем, что Магнитка – единственный город СССР, в котором нет храмов (хотя старожилы и говорили что-то о том, что на окраине города вроде бы есть). Боже мой! Какой красавец храм сооружен сейчас в центре на берегу Урал-реки!

Затем... когда же еще я была в храме? Ах да, в Орловской области есть небольшой городок – культурный центр Ливны. И в нем храм удивительной красоты. Ну, я, конечно же, хотела полюбопытствовать, но было жарко, я была в очень открытом платье, и меня не пропустили. Я была удивлена, но учла.

А вот в 1985 году, когда 11 мая скончалась сестричка Анечка, а мы как раз были в Ливнах на гастролях, Николаю удалось упросить директора отпустить меня на похороны, т.к. одна из актрис (спасибо, Ларисонька!) согласилась меня заменить. За это я отдала ей все пирожные и вкусности, которые прихватила с собой после празднования 9 мая. Во второй половине мая мы уезжали на большие гастроли на все лето в Краснодар и Нальчик. И я решила пойти в храм, чтобы подать на Анечку, чтобы отслужили сорокоуст. Вот это был мой первый «разумный» поход в храм.

Я подошла к дверям храма – а они тяжеленные (дело было днем: службы не было уже). Я отошла, затем вернулась – и даже за ручку двери не могу взяться, снова отошла – и только огромным усилием воли снова подошла и, открыв дверь, вошла в храм. Как сейчас помню, справа был стол длинный с книгами, иконами, свечами, и за ним на мое счастье стояла удивительная женщина (храни ее Господь!). Я сказала, что впервые в храме – она мне все разъяснила, а т.к. у меня было десять рублей (в те поры немалые деньги), она все требы, всё-всё, сама сделала и даже остатки денег положила в кружку, поставив за Анечку трехрублевую свечку. Вот это я запомнила очень.

29 ноября 2014

Смерти в блокаду начались почти сразу. Сначала умер дядя Костя (папочкин старший брат), чуть ли не в конце сентября – начале октября. У него уже начался голодный понос, а он пошел в военкомат записываться в добровольцы, потому что военным выдавали паек не в пример лучший, чем блокадникам, и даже хлеб почти настоящий, а не из опилок и целлюлозы с примесью мучной пыли. Он надеялся, что это поможет ему не умереть... но тут же в очереди в военкомате и скончался.

Мужчины не выдерживали, быстрее умирали. Как первого покойника в нашей семье, отец повез его труп на Девятую линию, угол Большого, куда под навес свозили покойников. Их потом грузили на машину и везли далее. Грузчик потребовал 300 г хлеба – а где он у нас? «Везите назад!» Хлеба нет, назад везти сил нет! Так вот отвезли подальше и... оставили. Царствие ему Небесное, красавцу! Ух, красив был! Даже я в своем возрасте это понимала.

А в квартире у нас лопнула фановая труба, и все ее содержимое вытекло в нашу комнату (т.к. наклон пола был к нам). Пару ночей мы спали дома, пока родители добивались того, чтобы нам временно дали другое жилье. Ходили по льду из замерзших нечистот.

Но такие дела быстро не делаются, и (как пишет отец) пошли пожить на Вторую линию к тете Марии (сестре отца, матери Игоря, которая потом тоже умерла, а Игоря взяли в детдом). Но хоть убейте, не помню я такого. Помню, как переехали пожить к тете Кате – родной сестре бабушки, которая тоже впоследствии, уже после нашего отъезда, умерла. Вот и весенний прибавочный паек не помог. Она им свою доченьку Люсеньку подкармливала, которую Господь спас от голодной смерти, но сердце ее уже было надорвано и умерла она от этого уже в 1990-е годы. Царствие ей Небесное!

Наконец нам дали комнату (лучше нашей) с парадного подъезда на первом дворе, наша же была на лестнице, куда выходил черный ход этих квартир.

Никогда не забуду... перед Седьмым ноября выдали праздничный паек. И вот... как родители не спрятали его от голодных детей? Я точно помню, что тушенку сложили в большую голубую кружку, а торт-праздничные лежал на красивой мелкой тарелке. Сначала я попробовала одну волокнистую тушенку, и... вот уже тушенку переложила в меньшую синюю кружку... все краешки у торта пообрезала...

Господи, никогда не забуду! Наказывать меня мама категорически не разрешила. Даже позволила съесть студня, который отец соорудил из остатков в синей кружке и своего кожаного ремня. Он его нарезал на кусочки своим сапожным ножом и варил чуть не два часа. Это варево он потом залил столярным клеем. Вот и праздничный обед.

(Помню, как-то много лет спустя Николай решил приклеить ножки у деревянных стульев и растопил столярный клей. О ужас! Я от этого зловония убежала из дома. А в голод мы чувствовали только наслаждение от лакомства.)

Ах да, еще забыла. По-моему, еще в пору горчичных блинов: крысы и кошек уже в городе съели, а у бабушки был шикарный кот. Полушутя-полусерьезно отец уговаривал его зарезать и показывал, смеясь, как это делают черкесы. И вот, когда уже и кот был на грани голодной смерти, бабушка самолично его принесла, попросив отца это сделать.

Всех выгнали из комнаты – но ведь отец не живодер, боюсь, что и кур никогда не резал, да и кот – не курица. В общем... недорезанный кот летал по стенам, визг, крик. Всем гуртом поймали его, и папа завершил дело. В одном из пакетов, принесенных «с машины», оказалось немного гречки. Ели и абсолютно все повторяли: «Ах, ну прямо как кролик!» Не помню, ела бабушка или нет. Родной ведь кот все-таки. А мамочка после этого всю жизнь кроликов есть не могла.

Да! И еще одна смерть. Когда мы переехали в комнату в первом дворе, как-то утром к нам прибежала тетя Маруся (жена умершего дяди Кости) с криком: «Умер Леня!» А он уже несколько дней не ел, растянулся на полу во весь рост – и не войти в кухню, где он жил после смерти матери (она умерла в 1938 г).

Да, еще. Отец рассказывал: когда дядю Костю «оставили», навстречу шел мужчина и нес хлеб на всю семью, и какая-то женщина вцепилась в хлеб, еле ее оторвали все вместе. А еще – я лично свидетель. Напротив тети-Катиного дома была булочная, где я стояла за хлебом. И вот... очередь чуть не забила до смерти мальчишку в ремесленной форме, который воспользовался тем, что продавец отрезала талоны от карточек, оставив на весах лежать довесок, схватил этот довесочек и в одно мгновение сунул в рот. Вот так!

29 ноября 2014

Ну что ж... продолжим?

После 7 ноября мы достаточное время жили у тети Кати. Все гуртом – и веселее, и даже как-то теплее. А в блокаду были три вещи хуже всего. Не знаю, что первое, что второе – скорее всё вместе. Это, конечно же, голод; холод (на окнах изнутри висели сосульки и стены комнаты были заиндевелые. А что же еще? Об этом обычно никто не говорит. *Вечная ночь*. Это волосы дыбом! За водой на Неву, слава Богу, не ходили – а мамочка, как сейчас помню, в тазик эмалированный собирала снег – он был абсолютно чистый, даже не было никакой накипи, когда мы потом кипятили воду в этом же тазике. Ведь мамочка работала с людьми относительно благополучными – имеющими обычно воду в доме, поэтому ей, как она считала, нужно было тоже выглядеть «комильфо». Беда в том, что она собирала снег почему-то голыми руками и, конечно же, отморозила их (всю жизнь потом мучилась).

Комната была большая (больше 20 кв. м). Прежде на этом месте была «зала» площадью больше 40 кв. м, но потом ее разделили капитальной стеной. В меньшей половине жила бабушка, а в большей тетя Катя с семейством. О муже тети Кати ничего не знаю – а вот сынок ее, семнадцатилетний Игорь, сразу же пошел в военкомат добровольцем, добавив себе год или больше, и сразу сгинул. Я помню, как бабушка с тетей Катей сидели за столом и обсуждали новости. Стол был центром дома: на нем резали хлеб, пересыпали крупу, песок, табак (тетя Катя курила), а я потом мочила слюной ладонь и вылизывала все это. Жили очень дружно – помимо того, что отец возмущался тем, что бабушка не работает и сидит у него на шее (ведь эти 125 грамм именно «иждивенцам» давали). И как мама ни пыталась его убедить в том, что именно из-за нас она уволилась – он этого не понимал.

Утром все расходились по делам, скидывая на нас с Боренькой всё, чем они укрывались ночью. Мамочка отрезала два кусочка хлеба, намазывала их тонюсенько маслом и присыпала сахарным песочком, когда и то, и другое начали выдавать на детские карточки. Это нам с ним была еда на весь день. Мы, не вылезая из-под одеял, крошили этот хлебушек очень мелкими кусочками возле себя на постели и потом весь день сосали их. Ведь в блокаду все сосали, а не ели: положишь на язык, прижмешь к нёбу и, пока не растает, получаешь наслаждение, и только потом берешь следующую крошку. Мама всегда ругала нас за это, но вот когда вроде всё иссосал и вдруг находилась еще одна крошечка – такое счастье! (Я все это доподлинно помню).

И вот однажды... еще и еще прости меня, Господи! У меня *пропал* целый кусочек хлеба, а не крошечка. Я, конечно же, решила, что его съел Борис, и как он меня ни уверял, что он не ел, я не верила. Ну и как старшая отлупила его. И только когда увидела кровь, пришла в себя (ну чем не второй папочка?). Видимо, я вlepила ему по носу. Господи! Как я Бореньку молила простить меня, даже его довела до слез своими просьбами, потому что он, как он говорил, давно простил. Я на самом деле была в отчаянии от такого поступка. Поэтому и у мамочки, тут же ей рассказав, молила о прощении. А этот кусочек нашелся за диваном, на котором мы с Боренькой лежали. Господи, прости и помилуй!

Где-то уже в декабре, перед Новым годом, тетя Маруся выкупила праздничный паек и понесла домой. Нас-то в квартире не было, дядя Леня умер, и они переселились в кухню, т.к. в ней не было окон, ниоткуда не дуло – вроде теплее.

Юрочка был очень плох и попросил у нее в рот положить чего-нибудь. Она сказала, что скоро будет «обед». Но все же дала ему чайную ложку сахарного песка в рот, постелила ему на плите:

– Поспи пока, – говорит (чтобы время до обеда для него быстрее пролетело).

Зовут «обедать», а он...

Господи! Царствие ему Небесное! Вот и еще смерть! Сама тетя Маруся и Люсенька... Они с Юрочкой ходили в четвертый класс, а когда я была помладше, они всё играли со мной: завернут в одеяло и таскают по квартире, а мамочка и тетя Маруся всё боялись, что они меня уронят.

Так вот... они умерли уже после того, как мы уехали. Как тетя Маруся умерла – не знаю, а вот как Люсенька... соседка рассказывала, в последний раз видела ее сидящей в постели (в их комнате) с полубезумным взглядом. Тогда молодежь – девушки в основном – работали дружинницами, ходили по квартирам, а, обнаружив умирающих, вытаскивали их и отправляли в стационар, где выхаживали «дистрофиков». А такие, как Люсенька – дочь тети Кати – впоследствии сами становились дружинницами.

Но тетя Катя жила в большом барском доме, угол Среднего и Одиннадцатой линии, поэтому такой дом скорее обследовали, чем какой-нибудь во дворе-колодце, да еще во втором на лестнице, куда выходил черный ход от барских квартир. Так и умерла потом, наверное, только труп кто-то потом вытащил. Боже милосердный! Царствия им всем Небесного по милости Твоей и вечный покой!

1 декабря 2014

Хочу рассказать то, о чем отец не пишет. И так: декабрь и январь мы жили у тети Кати. Бабушка ведь свою комнатку еще до войны поменяла на комнату, кажется, на Садовой, но тоже жила с нами. Мамуленька была нашей добытчицей. Смешно, точнее странно подумать, что в блокаду, когда многие люди даже не умывались, кому-то был необходим парикмахер. А мамочка была парикмахер-универсал. Были люди, которым ее услуги были необходимы.

Я помню добрейшую женщину, которой мамочка обработала ноги – мозоли, натоптыши, лишнюю кожу, ногти – все привела в порядок. По себе знаю, какая легкость в ногах появляется. Женщина эта была женой какой-то военной «шишки» – ну и жила, конечно, в доме для комсостава, где были и вода, и свет, насколько я помню.

Так вот, она за этот педикюр отвалила мамочке, т.е. всем нам, целую буханку настоящего «комсоставского» хлеба. И где-то под Новый год пригласила нас к себе помыться.

Я помню, как мы стояли у двери в ее квартиру, и мамочка *позвонила* в дверь. Звонок работал! Нам открыли. Первое, что я увидела – навстречу нам по коридору шла женщина *в легком халате*, жуя что-то на ходу и напевая. У них топили!

«Ну как до войны,» – подумала я.

В ванной у нее была деревянная колонка. Набрали полную ванну *горячей* воды, мамочка помыла сначала меня и Бореньку, а потом (в той же воде, конечно) помылась сама. Наслаждение! Праздник тела и счастье души!

И на Новый год она нас тоже пригласила: мамочку и меня с Боренькой. Елка была настоящая, красиво украшенная, а на столе стояла большая открытая банка тушенки, две большие, тоже открытые плитки шоколада и... нарезанная буханка хлеба. Бореньке пять лет, мне семь – ведь дети! Но мы тушенку и шоколад проигнорировали. Мы взяли по большому куску хлеба и залезли под стол, то есть под елку, т.к. она стояла вплотную к столу. Пытались не отщипывать, как обычно, а откусывать, чтобы поскорее съесть хлеб и взять еще. Но... не получалось.

– Не торопитесь! Не торопитесь, – говорила та добрая женщина. – Это все ваше!

И действительно мы всё со стола унесли домой.

Как жаль, что не знаю ее имени, чтобы помолиться за нее. Господи, спаси ее и помилуй во Царствии твоём!

4 декабря 2014

Хочу вспомнить то, что Тмарочка мне читала из отцовских записей. Значит, декабрь и январь мы жили у тети Кати, все вместе. Хорошо жили, дружно. Если бы только отец не упрекал бабушку за то, что ей никак не устроиться на работу. А кому нужны в голод повара-кулинары, буфетчицы? Университет, где она до войны работала, уже эвакуировали. Конечно, спасала буржуйка: труба в форточку, и... Стулья пожгли, некоторые книги, но где мы вообще добывали топливо – не знаю, не буду врать.

Утром все взрослые расходились, моя же была забота выкупить хлеб, благо булочная была напротив. Удивляюсь, как такое доверяли семилетнему ребенку, когда голод заставлял людей и у мужчин вырывать хлеб. Слава Богу, обошлось. Иногда, возвращаясь домой, видела на снегу покойников, а то и просто упавших, которые так и замерзали, потому что подняться не было сил, а протянуть руку и помочь – означало самому упасть и замерзнуть заживо. Отец пишет, что бывали случаи, когда несколько человек собирались и вместе поднимали упавшего... но такое бывало очень-очень редко, все боялись оказаться в таком же положении, несмотря на то, что люди тогда были сердобольнее нынешних.

А вот папочку не миновала эта участь. Упал он в январе. Хорошо, как он пишет, что в сторонке упал. Люди «ползут» мимо. Тогда уже не ходили, а шаркая ступнями, «ползли». Да есть кадр из документального фильма, где видно, как мужчина «ползет». А женщина с безумными глазами, которую поднимают? Господи!

Но, слава Богу, были сандружинники, которые подбирали покойников и помогали подняться еще живым. И было у них приспособление для этого (отец подробно описывает его устройство). Как я поняла, это было нечто вроде салазок из лыж, поставленных на расстоянии друг от друга и скрепленных досками, и каких-то, как отец пишет, «колобашек», которыми подцепляли человека – и на эти лыжи, хлоп, и взяли. Довезли отца до парадной, помогли подняться, а там он уж сам «дополз», держась за перила лестницы. Даже я помню тот переполох в доме.

Но все-таки он «ползал» на фабрику, а в феврале совсем сдал. И тут опять мамочка пришла на помощь. Пошла к главврачу стационара для дистрофиков при фабрике и предложила свои услуги – стричь и брить пациентов, т.к. вши заводились даже в бороде. Откуда такая напасть? – не знаю. Я помню, как позднее, уже в Вологодской области, соседка выводила уже выжившую из ума бабулечку в беленьком чистеньком платочке и сажала ее на солнышко на завалинку. И все мы дети бежали смотреть, как через некоторое время по платочку и чистой кофточке бегали «вошки» У-ух!

Врач стационара согласился, оформив мамочку санитаркой. И папочку определили в стационар. Клали на десять дней, а благодаря мамочке он пролечился все двадцать пять и настолько окреп, что после этого опять стал работать на фабрике, а после работы отоваривать карточки – так как теперь и мамочка ослабела.

А отоваривать карточки было тоже непростое дело, т.к. в разные магазины завозили разное. Например, в один гречку, в другой рис и т. п. И хотя все было по карточкам, а товар разный.

Главное, что подняло отца в стационаре, это то, что им давали 50 г вина и по стакану пива, хотя сама еда была такая, что не-дистрофики отказывались есть и шли в более привилегированную столовую. А вот положенное ему сливочное масло – кусочек с ноготок – он складывал в стопочку и потом принес нам, за что я его очень зауважала. Теперь мамочке это было необходимее, чем нам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.